

С о д е р ж а н и е

Моё «я» — это мой талант. <i>И.В. Мельникова</i>	3
ЗАМЕТКИ ОТВАЖНЫЕ И МАЛОДУШНЫЕ	21
Указатель имён	278

Моё «я» — это мой талант

Имя Уэда Акинари (1734—1809) чаще всего связывают с его сборником фантастических новелл «Луна в тумане» («Угэцу моногатари»), который сегодня переведён на множество языков, а одноимённая экранизация 1953 г., получившая приз Венецианского кинофестиваля, вызвала в послевоенной Европе всплеск интереса к японскому кино и культуре в целом¹. В самой Японии Уэда Акинари и при жизни, и после смерти был скорее «писателем для писателей», чем кумиром публики — далеко не все рукописи он публиковал, не создал своей школы как учёный-филолог, тяжело сходилась с людьми. Но когда через сто с лишним лет после смерти Акинари в новой

---

¹ Перевод сборника на русский язык многократно переиздавался (см. первое издание: Акинари У. Луна в тумане. Фантастические новеллы / Пер. с яп. Рахим Зей, А. Стругацкий. М.: ГИХЛ, 1961). Фильм «Угэцу моногатари» на основе двух новелл сборника получил приз за лучшую режиссуру (реж. Мидзогути Кэндзи) 14-го Венецианского кинофестиваля 1953 г.

модернизированной Японии вышло первое собрание его сочинений, Акутагава Рюноске и Танидзаки Дзюнъитиро, тогда ещё не писатели-классики, а молодые дарования, сочли мастером стиля и своим старшим собратом в отечественной литературе именно Акинари¹. Писателям XX в., а среди них и Сато Харуо, и Кавабата Ясунари, и Мисима Юкио, импонировал не только стиль произведений, но и стиль жизни этого человека, его личность, которая лучше всего раскрывается в собрании разнородных записей — «Заметки отважные и малодушные» («Тандай сёсин року», 1808).

В Японии XVIII–XIX вв. делиться пережитым и передуманным, сохранять память о прошлом, привычно было в виде свободных заметок *дзуйхицу* (букв. «вслед за кистью») — давно известного на Дальнем Востоке жанра, который порой ставят в параллель с эссе, что справедливо лишь отчасти. Дневник, мемуары, свои и чужие меткие изречения, стихи, записи о прочитанных книгах, наброски художественной прозы — всё это свободно соседствует в таких произведениях, а объединяющим началом является авторская точка зрения. «Заметки отважные и малодушные» — это рассказ Акинари о том, что когда-то пора-

---

¹ Подробнее об этом см.: Мельникова И. В. Японские писатели первой половины XX века и наследие Уэды Акинари (1734–1809) // История и культура Японии. Вып. 16. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 119–135.

зило его воображение или долгие годы занимало мысли. Кажется, автор не очень заботился о том, как он будет выглядеть в глазах читателей. Он рисует себя то «царём горы», то одиноким больным стариком, критикует даже тех, кого называет близкими друзьями, иронизирует по любому поводу и не боится показаться нескромным. Перед нами предстаёт обладатель острого и язвительного ума, ниспровергатель авторитетов, скептик с поэтической душой и неиссякающим интересом к миру и человеческому сердцу.

Акинари создавал свои «Заметки» всего за год до смерти, когда рядом не было уже никого из близких и очень мало старых друзей. Нынешнее название — «Заметки отважные и малодушные» — дал рукописи кто-то из переписчиков, а на одном из авторских черновиков рукой Акинари помечено: *какиоки-но кото*. Это выражение можно истолковать как «последние заветы», или же «отложенная цитра *кото*» — прозрачный намёк на завершение творческой деятельности. После смерти писателя в 1809 г. рукописи перешли к тем людям, которые поддерживали его в последние годы, и многие бумаги, в том числе «Заметки», остались в семье Хакура Нобуёси, в доме которого Акинари умер¹. «Заметки» распространялись в рукописном виде, кто-то после

---

¹ О личности Хакура Нобуёси см. в тексте «Заметок»: Отрывок 69.

прочтения делал для себя копии, но круг посвящённых был очень узок. Лишь в 1906 г. выдержки из «Заметок» были впервые опубликованы в первой научной работе об этом произведении, а в 1913 г. — опубликован полный текст¹. Настоящий перевод выполнен по научному изданию, подготовленному и прокомментированному Накамура Юкихико, он же разделил сплошной текст оригинала на 163 отрывка².

Неизвестный переписчик, который включил в название «Заметок» Акинари китайский фразеологизм *тандай сёсин* (胆大小心), мог ориентироваться на изречение известного лекаря древности Сунь Сымяо (581–682) о том, что человеческая натура сочетает в себе смелые амбиции («большая печень») и стремление к покою

---

¹ См.: Фудзиока Сакутаро. Тандай сёсин року (Заметки отважные и малодушные) // Тэйкоку бунгаку. 1906, № 2; Уэда Акинари. Тандай сёсин року (Заметки отважные и малодушные) // Син энсэки дзиссю (Новое собрание десяти сортов полудрагоценных камней). Т. 5. Токио, 1913. С. 280–336.

² См.: Уэда Акинари. Уэда Акинари сю: [Собрание сочинений Уэды Акинари] / Комм. Накамура Юкихико // Нихон котэн бунгаку тайкэй [Большая серия японской классической литературы] Т. 56. Токио: Иванами сётэн, 1959. С. 249–406. Сокращенное обозначение этого источника: НКБТ, т. 56. В настоящем издании мы используем также тексты Акинари в наиболее полном на сегодняшний день собрании сочинений: Уэда Акинари. Уэда Акинари дзэнсю: [Полное собрание сочинений Уэды Акинари] / Ред. Накамура Юкихико и др. Т. 1–12. Токио: Тю:о:ко:ронся, 1990–1999. При ссылках на это издание будет использовано сокращение УАД, с указанием соответствующего тома и страницы.

и уравновешенности («маленькое сердце»)¹. Возможно, подразумевалось более узкое значение фразеологизма, которое встречается в китайских учебниках по стилистике — рекомендация соблюдать баланс творческой свободы и тщательности в деталях². Так или иначе, название вполне отражает дух «Заметок» Акинари, в которых соседствуют смелые рассуждения о «великом» (о ходе истории, о природе религии) и очерки о «малом» (быте и нравах горожан, отдельных частностях при толковании литературных текстов).

Уэда Акинари имел свой взгляд по самому широкому кругу вопросов: от древней японской истории и поэзии до современной ему живописи, каллиграфии, чайного дела, ботаники и медицины. Многие из сформулированного в «Заметках» кратко, как бы «для себя», автор уже затрагивал в более ранних произведениях. Он снова и снова возвращается к важным для него темам: соблазнам власти, денег и таланта, ограниченности конфуцианской идеологии, упадку буд-

---

¹ В Японии была хорошо известна китайская хроника «История Древней Тан» (X в.), включавшая биографию философа и врача Сунь Сымяо. Его изречение передано так: «Печень стремится к великому, но сердце желает малого. Разум кружит, но двигаться предпочтительно по прямой».

² В этом значении фразеологизм встречается в хрестоматии для чиновников, сдающих экзамен на чин «Вэньчжан гуйфань», составитель Се Фандэ (1226–1289).

дийской веры. «Заметки» местами поражают меткостью кратких образных определений, почти афоризмов, а местами утомляют педантичным разбором какого-нибудь термина или чужих ошибочных (по мнению автора) суждений. Но тем и хорош жанр заметок *дзуйхицу* — здесь можно без ущерба для общего впечатления пропустить то, что не отвечает интересам читателя.

Свои «Заметки» автор писал в бедном жилище на территории дзэнского храма Нандзэндзи у подножия Восточных гор в городе Киото. Сегодня приблизительно в том месте, где жил Акинари, находится ресторан «Ятиё» — почтенное и вполне традиционное заведение, потчующее посетителей горячим соевым творогом тофу — пищей буддийских монахов (о подобном заведении Акинари пишет в Отрывке 120). Тем, кто попросит, хозяева показывают старый колодец — якобы именно в него в минуту отчаяния слепнувший Акинари выбросил свои книги и рукописи в 1807 г. (см. эпизод в Отрывке 98). К счастью, сам писатель, или кто-то из соседей, вскоре достали бумаги, ущерб ограничился следами пребывания в воде на некоторых листах архива. Совсем близко от старого колодца находится маленький буддийский храм Сайфукудзи, где писатель еще за семь лет до смерти приготовил себе «обитель долгого сна» под сливовым деревом, а временами жил в этом храме, с настоятелем которого был в добрых отношениях.

Друг Акинари, художник Ито Дзякутю, заранее сделал постамент для могильного камня, напоминающий по форме краба. Краб (по-японски *мутё*) — один из псевдонимов Акинари, у которого с детства пальцы на руках были искалечены и напоминали клешни. Кроме того, краб — это нежное создание в панцире, он всех сторонится и «передвигается боком», не так, как все. Есть стихотворение Акинари, где он сравнил себя с «ретирующимся боком крабом», который не прижился в родной Осаке¹. Из центра Осаки Акинари несколько раз перебирался в предместья, а в 1793 г., на пороге шестидесятилетия, окончательно переехал в Киото, где прожил последние шестнадцать лет жизни и был похоронен.

В книге регистрации смертей храма Сайфукудзи за 1809 г. значится, что старец Акинари скончался на двадцать седьмой день шестого месяца, а имя и статус определены так: «Уроженец Осаки, мастер на пути японской поэзии,

---

¹ Стихотворение приписано рукой Акинари к рисунку, сделанному в 1802 г. принцем-иноком Синнином (1768–1805), настоятелем храма Мёхоин. Принц (старший брат правящего императора Кокаку) нередко приглашал для обсуждения литературы и искусства интеллектуалов Киото, в том числе Акинари, и специально для него изобразил краба, оставив справа место для каллиграфической надписи Акинари. Писатель из почтения к принцу начертил стихотворение не рядом с рисунком, а за полем картины, на отгибающемся продолжении бумажного свитка. Рисунок со стихами хранится сегодня в храме Дзэнриндзи (Эйкандо) в Киото.

мирянин Санъёсай Мутё (Проживший избыток лет Краб)». Санъёсай, или просто Ёсай («избыток лет») — это еще одно имя, которое писатель использовал после шестидесяти восьми, поскольку именно такой предельный возраст был ему предсказан в раннем детстве, а последующие семь лет жизни он воспринимал как «избыток». Мастером на пути японской поэзии, под которой подразумеваются классические пятистишия *вака*, Акинари назван не только потому, что к концу жизни его стихи и теоретические знания в этой области были оценены современниками, включая членов императорской семьи. В представлении людей этого времени лишь японские пятистишия *вака* и китайские стихи *канси* были высокими жанрами литературы, а рассказы и повести считались досужим развлечением. Легко заметить, что и сам Уэда Акинари в «Заметках» не упоминает ни о своих беллетристических произведениях, ни о чужих.

Закономерно возникает вопрос о месте документального жанра, в частности заметок *дзуйхицу*, в этой иерархии высокого и низкого. Филологи школы Национальной науки (*кокугаку*), комментаторы японской классики, к которым принадлежал и Акинари, прекрасно знали старые образцы жанра, такие как «Записки у изголовья» дамы Сэй-Сёнагон (конец X в.), или дневник «Сарасина никки» (XI в.). В «Заметках отважных и малодушных» есть отсылки к этим произведениям

(Отрывки 148, 153), и Акинари ощущал себя продолжателем давней традиции. Примером для него служили и китайские авторы, например Лю Сян (I в. до н.э), Су Ши (XI в.), Чжэн Сысяо (1241–1318), на которых он тоже ссылается. Старшие современники Акинари и его близкие знакомые, о которых так много упоминаний в тексте «Заметок», тоже писали *дзуйхицу* (Отрывки 90, 93, 126). Однако со второй половины XVIII в. жанр *дзуйхицу* служил не только для фиксации личных воспоминаний и размышлений, но стал также формой сохранения опытного знания (записки путешественников, практикующих врачей, натуралистов, знатоков антиквариата). Кроме того, этот жанр стал площадкой для публичной полемики, ведь журналов и газет в Японии не существовало до 1860 г. Записки *дзуйхицу* часто не предназначались для публикации, а рукописные копии распространялись среди заинтересованных. Огромное количество документальных произведений разной степени литературной отделки и информативности вышло из семейных хранилищ и было впервые напечатано в XX в. под рубрикой *дзуйхицу*¹. Оказалось, что записи об увиденном и услышанном делали выходцы из всех сословий:

---

¹ Собрания *дзуйхицу* эпохи Токугава в большом количестве печатались в XX в. Самая полная «Большая серия японских *дзуйхицу*» («Нихон дзуйхицу тайсэй»), выпущенная в 1927–1931 гг., дополняется и переиздается по сей день, включает в настоящее время сорок один том.

от советников сёгуна до ремесленников и крестьян, среди авторов были и женщины¹.

Среди этого моря документальной литературы «Заметки» Акинари выделяются артикулированным желанием заявить об уникальности собственной личности, жизненного опыта и взглядов, отстоять право думать и писать по-своему. В самом начале «Заметок» (Отрывок 4) Акинари рассказал, как его критиковали за «выпячивание своего я» в научном труде, и написал, что я, то есть оригинальность взгляда, — это и есть талант. В сословном обществе, стабильность которого держалась на идее лояльности и конфуцианской этике (почтение и повиновение старшим по возрасту и положению), представления о ценности личности, об индивидуальном таланте, стали распространяться как раз среди людей поколения Акинари. В середине XVIII в. в Японии приобрели популярность картины и книги китайской художественно-философской школы Вэньжэнь-хуа (*яп.* бундзинга), проповедовавшей единство жизни и творческого самовыражения, предъявлявшей этические требования к художнику, отвергавшей «продажность» и «ремесленную» узость в творчестве. Уэда Акинари сегодня

---

¹ На рус. и англ. языке выдержки из *дзуйхицу* эпохи Токугава см.: *Кин Д.* Странники в веках. М.: Восточная литература 1996; *The Columbia Anthology of Japanese Essays: Zuihitsu from the Tenth to the Twenty-First Century.* Ed. Steven D. Carter N.Y., Columbia University Press, 2014.

считается ярким примером человека, принявшего для себя эти идеи, во многом опиравшиеся на даосскую философию и буддизм школы *чань* (яп. дзэн). Мы находим в «Заметках отважных и малодушных» множество тому свидетельств, но само слово *бундзин*, которым в Японии обозначают художников и литераторов, подражавших китайской модели творческой личности, Акинари употребил в свойственной ему критической манере, высмеивая других *бундзинов* за «книжность» и незнание живой природы: «Не могут по виду определить ни травинки, ни цветка» (Отрывок 139).

В «Заметках» Акинари есть отрывки автобиографического содержания (5, 69, 98), есть упоминания об отдельных эпизодах из собственной жизни, но будет уместным кратко изложить здесь основные этапы судьбы писателя, тесно связанные с творчеством. Низкое происхождение, мистическое исцеление от смертельной болезни, увечье, не позволившее достичь совершенства в живописи и каллиграфии, разорение из-за пожара — всё это переживалось писателем как судьбоносные события. Уэда Акинари родился в квартале любви Сонэдзаки в самом сердце Осаки. Мы не знаем, как там оказалась его мать и какой работой занималась, но это изначально ставило ребёнка в уязвимое положение. Имя матери было Мацуо Осаки, она родилась в преуспевающей крестьянской семье в деревне Хино-

мура (в нынешней префектуре Нара). Возможно, её отправили в квартал любви в наказание. Есть версия, что отцом Акинари был отпрыск аристократического рода Кобори, которого за беспутство семья «сослала» из столицы Эдо на вотчинные земли — владения семьи Кобори распространялись на деревню Хиномура и соседнюю с ней деревню Нагара. Юношу поселили в доме старосты деревни Нагара, родного дяди матери Акинари. Этот юноша, Кобори Самон Масацугу, умер семнадцати лет от роду в 1733 г., за несколько месяцев до рождения Акинари. Если Акинари был его сыном, то он прямой потомок знаменитого мастера чайной церемонии и садового искусства Кобори Энсю (1579—1647), но это всего лишь предположение. Акинари никогда об отце не писал, с родной матерью и её деревенскими родственниками лишь однажды встретился в зрелом возрасте, и всю жизнь страдал от насмешливого прозвища «Отпрыск чайного дома».

В четыре года Акинари был усыновлён осакским горожанином с самурайскими корнями, которого звали Уэда Москэ. Фамилия Уэда досталась писателю от этого человека, владельца лавки «Симая», торговавшей бумагой и маслом. В пятилетнем возрасте ребёнок чуть не умер от ветряной оспы и потерял приемную мать — жена Уэды Москэ скончалась от болезни. Любящей матерью на долгие годы стала для Акинари вторая жена Уэды Москэ. Хотя оспа изувечила паль-

цы на обеих руках мальчика, жизнь ему была сохранена — по милости божества храма Касима Инари, как считал приёмный отец. До последних дней Акинари сохранял дружбу с настоятелями этого храма бога Инари, чьим посланником считается лисица. В лисьи чары Акинари искренне верил и всю жизнь спорил с отрицавшими мистику учёными-конфуцианцами, тем более что в храме Касима Инари он нередко бывал свидетелем впечатляющих сеансов экзорцизма. Как видно из «Заметок», Акинари под словом «лиса» подразумевал не только конкретный зоологический вид, он называл так всех низших богов и духов народного синтоизма и имел оригинальный взгляд на их природу, не знающую этических императивов.

Почти наверняка можно сказать, что Акинари учился в конфуцианской школе для осакских горожан Кайтокудо. Он довольно фамильярно отзывается о связанных с этой школой людях, учителях и учениках, таких как Миякэ Сэкиан, Гои Рансю, Накаи Тикудзан, Накаи Рикэн (см. Отрывки 25, 26, 29). Конфуцианская этика лежала в основе идеологии и образования в Японии XVII—XIX вв., а китайские классические книги служили также для обучения иероглифике и китайскому письменному стилю *камбун*. Китайскую поэзию и литературную классику Акинари знал хорошо, и в отличие от современников-японофилов, считавших китайское куль-

турное влияние пагубным для «японского духа», признавал благотворные плоды этого влияния.

Как и многие в его время, Акинари с юных лет слагал трёхстишия *хайку*, позже стал изучать и правила сложения пятистиший *вака* (Отрывок 5), установленные многими веками ранее в придворной среде. Однако жизнь требовала от него других умений — нужно было заниматься делами лавки «Симая». В двадцать семь лет Акинари женился, а через год принял на себя ответственность за семейное дело и домочадцев (приёмная мать и жена Тама, детей у Акинари не было).

Торговля в лавке оставляла время для сочинительства: в 1766 г. тридцатитрёхлётний автор издал свой первый сборник рассказов о горожанах «Навострившие уши во все стороны обезьяны мира сего» («Сёдо кикимими сэкэндзару»). Через год вышел следующий сборник «Нравы современных содержанок» («Сэкэн тэкакэ катаги») об отношениях между мужчинами и женщинами. На последней странице книги был анонс ещё двух сборников рассказов того же автора. Однако следующая книга, знаменитый сборник «Луна в тумане» («Уэцу моногатари», 1776), появилась только через девять лет.

Автор беллетристики в те годы не мог прокормиться только сочинительством, и когда в результате большого пожара 1771 г. сгорел магазин и всё имущество Акинари (возможно, и рукописи книги), ему пришлось думать о средствах